

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>

UDC 94(4):397.7
LBC 63.3(4)-27

Submitted: 31.10.18
Accepted: 02.12.18

THE NOMADIC WORLD OF THE SOUTH OF EASTERN EUROPE IN THE 2ND - 1ST CENTURIES BC (EASTERN INNOVATIONS, FACTS, CAUSES AND CONSEQUENCES)¹

Anatoliy S. Skripkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the process of developing the chronology of early Sarmatian culture we have allocated the monuments dated by the 2nd - 1st centuries BC and characterized by their specificity both in the material culture and in burial rites. *Methods and materials.* This article is devoted to the series of items from the Sarmatian burials of the 2nd - 1st centuries BC from the south of Eastern Europe having close analogies in the sites of Central Asia. The items are represented with different types of swords, bronze openwork belt buckles, latticed and gigantic belt buckles, clay cubic censers, miniature copies of boilers and quivers with bows. *Analysis.* New features have been marked in the funeral rites. Burials in the decks got popularity, which had resemblance with the decks used in the burial practice of Tuva's population of the last centuries BC. The percentage of northern orientation of the buried was significantly increased in some areas of the Volga and the Don regions. The analysis of the historical situation testifies to the migration of a number of nomadic groups away from China's northwestern borders due to the aggressive policy of Xiongnu. This event caused the changes in ethnopolitical situation in Central Asia, the Greco-Bactrian kingdom ceased to exist due to nomadic attacks. The nomadic population of this region with the eastern elements in their culture had significantly increased. Great changes occurred in the South Ural, the Volga-Don region and in the Northern Black Sea Coast, where the groups of nomads appeared which had not been mentioned in written sources before: Aorses, Siraki, Roksolans, Satarkhi. The occurred changes found reflection in written works of ancient authors. *Results.* Thus, the events that took place on the northern borders of China, associated with the formation of the Hunnish nomadic empire, led to a significant change in the ethnopolitical situation up to the Northern Black Sea Coast region.

Key words: Eastern innovations, Hunno-Sarmatian period, Sarmatians, Xiongnu, Yuezhi.

Citation. Skripkin A.S. The Nomadic World of the South of Eastern Europe in the 2nd - 1st Centuries BC (Eastern Innovations, Facts, Causes and Consequences). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 20-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>

УДК 94(4):397.7
ББК 63.3(4)-27

Дата поступления статьи: 31.10.18
Дата принятия статьи: 02.12.18

КОЧЕВОЙ МИР ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО II–I вв. ДО н. э. (ВОСТОЧНЫЕ ИННОВАЦИИ, ФАКТЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ)¹

Анатолий Степанович Скрипкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В процессе разработки хронологии раннесарматской культуры были выделены памятники, датирующиеся II–I вв. до н. э., отличающиеся своей спецификой как в материальной культуре, так и в погребальном обряде. *Методы и материалы.* В статье рассматривается серия вещей из сарматских

погребений II–I вв. до н. э. юга Восточной Европы, обнаруживающих близкие аналогии в памятниках Центральной Азии. Это различные типы мечей, бронзовые ажурные, решетчатые и гагатовые поясные пряжки, глиняные кубические курильницы, миниатюрные копии котлов, колчанов с луками. *Анализ.* Отмечены новые явления в погребальном обряде. Получают распространение захоронения в колодах, конструкция которых близка колодам, используемым в погребальной практике населения Тувы последних веков до нашей эры. В отдельных районах Поволжья и Подонья увеличивается процент северной ориентировки погребенных. Установлена связь новых явлений в материальной культуре и погребальном обряде сарматов с уходом ряда кочевых группировок от северо-западных границ Китая на запад в связи с агрессивной политикой хунну. Это событие привело к изменению этнополитической ситуации в Средней Азии, под ударами кочевников пало Греко-Бактрийское царство. Значительно увеличилось кочевое население этого региона, с восточными элементами в их культуре. Существенные изменения происходят в Южно-Уральском и Волго-Донском регионах и Северном Причерноморье, здесь появляются группировки кочевников, ранее не фигурировавшие в письменных источниках: аорсы, сираки, роксоланы, сатархи. Произшедшие изменения нашли отражение в сочинениях античных авторов. *Результаты.* Таким образом, события, произошедшие на северных границах Китая, связанные с образованием Хуннской кочевой империи, привели к существенному изменению этнополитической обстановки вплоть до Северного Причерноморья.

Ключевые слова: восточные инновации, гунно-сарматский период, сарматы, хунну, юэцжи.

Цитирование. Скрипкин А. С. Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н. э. (восточные инновации, факты, причины, последствия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 20–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.2>

Введение. В процессе разработки периодизации раннесарматской культуры был выделен ее заключительный этап, датированный II–I вв. до н. э. [29, с. 137–149]. Значительное количество памятников этого времени располагается в Волго-Донском и несколько меньше в Южно-Уральском регионах.

Отличительной чертой погребальных памятников этого времени, при сохранении ведущих черт раннесарматской культуры, является распространение в них новых типов вещей и некоторых деталей погребального обряда, неизвестных в более ранних сарматских комплексах. При этом культурно-исторический анализ этих новаций свидетельствует о выраженных центральноазиатских их истоках.

Восточные инновации, факты.

В сарматских погребениях II–I вв. до н. э. исследуемого региона появляется несколько новых типов клинкового оружия: длинные мечи с ромбическим коротким перекрестьем и обычно длинным штырем для оформления рукояти. Ширина их лезвий часто составляла 4–4,5, реже 5 см. Штыри ручек обычно в сечении квадратные. Длина таких мечей колеблется в диапазоне от 0,80 до 1,10 м, штыри рукояти иногда превышали 20 см в длину. Мечи имели железные или бронзовые перекрестья ромбической формы. На перекрестьях сверху у основания рукояти у ряда мечей

этого типа имелись прямоугольные вырезы. На перекрестьях некоторых мечей имеется слабо выраженный клинообразный выступ, обращенный к лезвию. Условно отнесем эти мечи к 1-му типу (рис. 1, 1–4).

К группе новых типов клинкового оружия относятся два меча, которые во многом сходные с описанными выше, отличие их состояло только в перекрестьи, которое имело изогнутую форму, вершиной изгиба обращенное к лезвию. Один из них происходит с территории Калмыкии (канал Волга – Чограй, гр. 42, кург. 1, погр. 6), другой – с Южного Приуралья (мог. Покровка, кург. 16). Отнесем эти мечи к типу 2 (рис. 1, 6–7).

В это же время в волго-уральских степях начинают достаточно часто встречаться мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, которые в последующее время занимают ведущее положение среди сарматского клинкового оружия. Тип 3 (рис. 1, 8–12).

Мечи 1-го типа получили распространение и на других территориях, они известны в низовьях Камы в памятниках пьяноборской и чегандинской культур, на Иртыше в объектах саргатской культуры. Большое количество мечей этого типа было найдено на территории Средней Азии. О.В. Обельченко на середине 70-х гг. прошедшего века приводил дан-

ные о находках их здесь около 20 экземпляров [30, с. 18].

Мечи 1-го типа, найденные на территории обитания сарматов и в других указанных выше местах, обнаруживают близкие аналогии с китайским клинковым оружием по деталям формы и размерам. В Китае еще в эпоху Чжоу изготавливались мечи из бронзы с вырезами на перекрестьях у основания рукояти, они также имели снизу клинообразный выступ. Мечи с перекрестьями такой формы продолжают существовать в Китае и в более позднее время, в эпоху раннего железного века [16, с. 103–106]. В циньско-ханьскую эпоху получают широкое распространение достаточно длинные железные мечи, до 1 м и более в длину, имеющие ромбическое перекрестье [15, с. 84].

Мечи с прямоугольными вырезами на перекрестьях в сарматских погребениях были обнаружены в Чкаловской группе, кург. 3, погр. 7 (рис. 1, 4), Калмыково, кург. 2, погр. 1 (рис. 1, 3), Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11 (рис. 1, 1).

Мечи этого типа продолжают встречаться и в среднесарматское время, сохраняя те же элементы, например, бронзовое ромбическое перекрестье с вырезом у основания рукояти, хотя уже в значительно стилизованном виде (рис. 1, 5). Известны их находки и в позднесарматских погребениях (могильники Сладковский и Камышевский I в Ростовской области) с перекрестьями из нефрита, которые повторяют детали формы более ранних бронзовых перекрестий. Использование нефрита для изготовления перекрестий мечей является типично китайской чертой. Все это лишний раз подтверждает тот факт, что описанный тип мечей, появившийся в сарматских памятниках во II–I вв. до н. э., если и не являлся прямой продукцией китайских ремесленников, то оформился в результате очевидного влияния китайской культурной традиции.

Мечи 2-го типа, которых мне в сарматских погребениях известно всего два экземпляра, также находят ближайšie аналогии среди клинкового оружия, происходящего с территории Китая. В.Н. Васильев отметил ряд находок таких мечей в Китае, датируемых в диапазоне от IV в. до н. э. по начало I в. н. э. [5, с. 98–100].

Мечи 3-го типа, начавшие встречаться в сарматских погребальных памятниках II–I вв. до н. э. и ставшие ведущим типом клинкового оружия в первые века нашей эры, своим происхождением также связаны с центральноазиатскими культурными традициями. Мечи этого типа отличаются от других наличием кольцевого навершия. Выдвигавшаяся ранее идея местного эволюционного их происхождения не нашла подтверждения в новейших исследованиях. К настоящему времени накоплен обширный материал, позволяющий утверждать, что клинковое оружие и ножи с кольцевым навершием были широко распространены на территории Тувы, Алтая, Минусинской котловины и Северного Китая, причем традиция изготовления такого типа оружия известна здесь еще с эпохи бронзы. Изображения кинжалов с кольцевым навершием встречаются на оленных камнях, известны их находки и в погребениях [31, с. 171–185]. Кинжалы этого типа достаточно часто встречаются на территории Северного Китая в погребальных памятниках кочевников VI–III вв. до н. э., на конец прошлого века их здесь было учтено несколько десятков [37, рис. 22–24]. Встречаются они в разных местах Центральной Азии и в хуннское время.

Со II в. до н. э. в сарматских погребениях появляются бронзовые поясные, так называемые ажурные пряжки, с изображением заключенных в рамку лежащих верблюдов (рис. 2, 1–9) или сцен терзания верблюда хищником кошачьей породы (рис. 2, 11–13). Известны находки пряжек этого типа с другими композициями (рис. 2, 14, 15). В одном случае была найдена пряжка, в рамку которой была заключена фигурка конного всадника (рис. 2, 10). Ажурные поясные пряжки, изготовленные из бронзы, были распространены на территориях Среднего Енисея, Забайкалья, Монголии, Ордоса в памятниках, датируемых последними веками до нашей эры [12, с. 14–17; 38]. По экспрессии изображений наиболее близкие сарматским являются пряжки со сценами борьбы кошачьего хищника с копытным животным или куланов и коней. В Забайкалье в Дерестуйском могильнике были обнаружены две поясные пластины, являющиеся пряжками одного ремня, также как и в Нижнем Поволжье в кургане у с. Белокаменка в Повол-

жье. Время бытования ажурных поясных пластин в центральноазиатских памятниках определяется в рамках II–I вв. до н. э. [12, с. 16]. Пряжки из сарматских погребений, являясь подражанием восточным аналогам, не могли попасть на территорию степной части Восточной Европы ранее этого времени. Предположительно мода на рассматриваемые ажурные поясные пряжки могла зародиться на территории Северного Китая, о чем свидетельствуют яркие ордосские находки. Это предположение в частности подтверждает находка в сарматском погребении рассматриваемого времени двух поясных рамчатых пряжек в могильнике Донгулюк, располагавшемся на правом берегу реки Урал в Западном Казахстане, с изображениями крылатых драконов (рис. 3, 1, 2), образа весьма популярного в искусстве Древнего Китая [9, с. 193–195, рис. 3]. Реалистичность изображений персонажей на ажурных рамчатых пряжках в зависимости от территории их нахождения постепенно менялась. Ажурные пряжки, происходящие с Енисея, выглядят менее реалистично в передаче изображений на них, нежели сюжеты на ордосских пряжках, это объясняется их местным производством по ордосским образцам [23, с. 31]. В производстве и распространении этого типа пряжек выявляется определенная закономерность, поскольку ажурные пряжки, обнаруженные в сарматских и среднеазиатских памятниках, отличаются еще большим схематизмом. Распространение этих пряжек на запад, вплоть до Дона и Нижней Волги, усиливало стилизацию изображаемых на них фигур животных настолько, что зачастую трудно определить вид животного. Этот факт, видимо, свидетельствует о существовании нескольких центров их производства на всем евразийском степном пространстве.

В сарматских погребениях, датируемых тем же временем, начинают встречаться поясные пряжки, уникальность которых состоит в том, что они были изготовлены из гагата. Две такие пряжки от одного ремня были обнаружены в погребении 4 из кургана 27 у станции Жутово Октябрьского района Волгоградской области (рис. 3, 3, 4) [33, с. 127, рис. 4, б] и одна найдена в погребении 9 из кургана 1 у села Питерка Саратовской области (рис. 3, 5) [19, с. 205, рис. 9, 5]. Пряжки были украшены

бронзовыми клепками, образующими линии в виде косоугольного креста, такие же клепки располагались по краям пряжек, с двух сторон пряжек имелись отверстия для застегивания и крепления к ремню. Практически идентичные аналогии этим пряжкам происходят из тех восточных районов, где были распространены бронзовые ажурные пряжки: на Енисее, в Забайкалье и Китае. Самые крайние находки гагатовых пряжек происходят из хуннских памятников конца II–I в. до н. э. [24, табл. 108, 68, 71; 36, с. 98, 99]. Наибольшее сходство с поволжскими находками обнаруживают гагатовые пряжки из тесинских памятников на Енисее [18, табл. 41, 33, 34].

В упомянутом выше погребении у села Питерка была найдена вместе с гагатовой пряжкой еще и бронзовая пряжка с решетчатым орнаментом (рис. 3, б), вторая пряжка этого типа происходит из Астраханской области (рис. 3, 7) (мог. Кривой Луки VIII, кург. 5, погр. 12) [10, с. 239–242]. Значительное количество находок аналогичных изделий известно в Южной Сибири и на территории Ордоса, где их принято датировать II–I вв. до н. э. [12, с. 10].

Кроме уже перечисленных, имеется еще значительное количество предметов, обнаруживаемых в погребениях сарматского времени, являющихся отражением далеких восточных связей кочевого населения доно-волгоуральских степей с достаточно удаленными от европейских степей территориями. К ним относятся миниатюрные копии бронзовых котлов (рис. 4, 1–4, 10) и луков с колчанами (рис. 4, 6–8), отдельные типы колокольчиков (рис. 4, 9), ложковидные застежки, изготовленные из железа, бронзы или кости (рис. 4, 5, 11–14), и ряд других вещей, обнаруживающих аналогии в памятниках постскифского времени Среднего Енисея, Тувы, а также в хуннских погребениях Забайкалья [30, с. 24, рис. 5].

Мне известно три случая нахождения в сарматских погребениях II–I вв. до н. э. Волго-Донского региона курильниц кубической формы, не типичной для такой категории находок в сарматских памятниках этого времени (Быково, кург. 9, погр. 7; Ливенцовка VII, кург. 22, погр. 7; Котлубань II, кург. 2, погр. 8) [32, с. 106–111] (рис. 4, 15–17). Ближайшими им аналогиями являются сосудики из памя-

ников тесинского времени на Енисее [18, с. 198], продолжают они встречаться и в памятниках таштыкской культуры.

Параллели у сарматов II–I вв. до н. э. европейской степи с названными выше районами прослеживаются не только по предметам материальной культуры, но и по отдельным элементам погребального обряда. Так, в волгоградском Заволжье у пос. Рыбный в раннесарматском погребении было открыто захоронение в деревянной колоде с северной ориентировкой погребенного. Колода в головной части с наружной стороны имела вырезанную нишу с двумя параллельными выступами (рис. 4, 18) [28, с. 273–275]. Захоронения в аналогичной формы колодах с выемкой-нишей в головной части и с северной ориентировкой погребенных широко практиковались в последние века до нашей эры в погребальных памятниках Тувы (рис. 4, 19). Они обнаружены в могильнике Аймырлыг [35, с. 29–34], Кокэль [11, с. 123, 129, 140], Байдаг-2 (раскопки А.М. Мандельштама). В Нижнем Поволжье в II–I вв. до н. э. увеличивается количество сарматских погребений в колодах, возрастает показатель ориентировок погребенных в северный сектор. Следует отметить, что во II–I вв. до н. э. в отдельных районах происходит увеличение числа сарматских захоронений в колодах. Значительная их группа выявлена в курганных могильниках, расположенных на территории Волгоградской области по берегам левого притока Дона реки Иловли. Для этого же района отмечается увеличение в рассматриваемое время и северной ориентировки погребенных (21,8 %) на фоне наиболее типичной для раннесарматской культуры южной ориентировки. Наличие северной ориентировки погребенных во II–I вв. до н. э. было выявлено на Нижнем Дону [26, с. 169; 7, с. 22–24]. Сочетание таких признаков погребального обряда, как захоронения в колодах, увеличение северной ориентировки в сарматских погребениях II–I вв. до н. э. Подонья явление не случайное. Несомненный интерес представляют выявляемые параллели между захоронениями в колодах в Туве в гунно-сарматское время и аналогичными погребениями на территории распространения памятников сарматской культуры в Волго-Донском регионе [22, с. 198, 202]. Практика северной

ориентировки погребенных у кочевых сообществ была известна и в других районах Центральной Азии [13, с. 76].

Причины и последствия. Появление новых черт в материальной культуре и погребальном обряде сарматов II–I вв. до н. э., находящих ближайшие аналогии в центральноазиатских памятниках, видимо, отражает некие общие тенденции в развитии кочевых обществ евразийского степного пространства. Для Южной Сибири используется термин «гунно-сарматский период» в определении этого времени и сопутствующих ему явлений, в отличие от предшествующего скифского периода. Это время в археологическом отношении ознаменовалось существенными изменениями в материальной культуре, приведшими к смене предыдущих культурных стереотипов. Начало этому периоду положили события рубежа III–II вв. до н. э. Для последующего времени в евразийском степном пространстве становится ощутимым влияние тех культурных традиций, носителями которых были кочевники, обитавшие на северной и северо-западной периферии Китая.

История взаимоотношений Китая с кочевым миром насчитывает многие века. Во второй половине III в. до н. э. в истории Китая завершается затянувшийся период междоусобных войн и раздробленности. В 221 г. до н. э. произошло объединение Китая в рамках единого государства, получившего название по правящей династии империя Цинь, которое просуществовало всего полтора десятка лет. Пришедшие к власти две последующие династии Старшая и Младшая Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) сумели сохранить единство государства. Период правления династий Хань в древней истории Китая был временем наивысшего его расцвета в экономическом и политическом отношениях, что в значительной мере сказывалось на его влиянии на другие народы.

Как ответная реакция на централизацию Китая к северу от Великой китайской стены формируется мощное объединение кочевников во главе с хунну [8, с. 52, 53; 17, с. 55–64].

Хунну уже при первом их объединителе шаньюе Модэ начинают проводить активную военную политику не только против Китая, но и против других своих соседей. Важными направлениями хуннской агрессивной политики были

районы, располагавшиеся к северо-западу и западу от их основных владений. Военные успехи хунну на этих направлениях привели к необходимости ухода на запад ряда народов, обитавших ранее в пограничных с Китаем районах.

Для хунну особенно значимой была их победа над достаточно крупным и сильным кочевым объединением, именуемом в китайских источниках юэчжами, от которых они ранее находились в зависимости. Из китайских сочинений эпохи Хань известно, что юэчжи, длительное время обитавшие на северо-западных границах Китая, после своего поражения вынуждены были уйти на запад и поселиться в Бактрии [4, с. 151].

Уход ряда кочевых объединений от границ Китая на запад существенно изменил этнополитическую обстановку в Средней Азии. Вслед за юэчжами на запад в район Семиречья переселяются бывшие их соседи усунни, вытеснив отсюда сакские племена. Все эти события были описаны древнекитайскими историками Сыма Цянем и Бань Гу [6, с. 223–241]. Античные авторы также отмечают возникновение ряда новых наименований кочевников, появившихся в Средней Азии, приурочивая их к событиям, связанным с падением Греко-Бактрийского царства. Страбон называет ряд кочевнических объединений, «которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаравлы» [География, XI, 8, 2]. Помпей Трог в передаче Юстина упоминает о том, что «Бактриану и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов» [История, кн. XLI. Пролог].

Появление новых кочевников в центральных и южных районах Средней Азии привело к падению Греко-Бактрийского царства. Это событие обычно относят к 140–130 гг. до н. э. [34, с. 96–101]. Некоторые исследователи полагают, что давление кочевников на восточные границы этого государства начало ощущаться с 145 г. до н. э. [3, с. 68]. Таким образом, увеличение нового кочевого контингента в Средней Азии начинается приблизительно с середины II в. до н. э.

Как результат этих событий в ряде районов Средней Азии появляются крупные курганные могильники, с выраженными признаками кочевнической культуры, отдельные из которых насчитывают сотни насыпей [20; 21].

Исследователи отмечают наличие восточных элементов в захоронениях этих могильников, обнаруживающих близкие параллели в алтайских и хуннских древностях [3, с. 68–84; 1, с. 86–88].

Новые явления в культуре кочевого населения Средней Азии, получившие распространение после падения Греко-Бактрии, находят соответствие в культуре сарматов Южного Приуралья, Нижней Волги и Дона. Таким образом, можно утверждать, что распространение в сарматских памятниках вещевого материала и ряда элементов погребального обряда, своим происхождением связанных с центрально-азиатскими районами, происходит примерно в одно и то же время, что и в Средней Азии.

Что касается восточноевропейской степи, то впервые и наиболее полно изменения этнической ситуации в этом регионе нашли отражение в «Географии» Страбона, написанной им около рубежа эр. Он называет ряд народов, занимавших территорию от Каспийского моря до Днепра, которые ранее в источниках не упоминались. Между Каспийским морем и Меотидой он поселял верхних аорсов, аорсов и сираков, ведших кочевой образ жизни. Верхние аорсы владели «почти что большей частью побережья Каспийского моря», аорсы обитали «по течению Танаиса», сираки занимали территорию «по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» [География, XI, 5, 8]. На равнинах «между Танаисом и Борисфеном» Страбон помещал роксоланов [География, VII, 3, 17]. Письменные источники дают возможность определить время появления этих народов в восточноевропейских степях. Верхние аорсы, аорсы и сираки впервые упоминаются Страбоном во время правления Фарнака на Боспоре (63–47 гг. до н. э.), но обосновались они в тех местах, которые указал географ, несколько раньше, что следует из его фразы: «Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше» [География, XI, V, 8]. Из Страбона также следует, что роксоланы во II в. до н. э. уже обитали на территории прежней Скифии, между Доном и Днепром. Они, во главе со своим предводителем Тасием, в конце этого века приняли участие в конфликте крымских скифов с Понтийским царством [География, VII, III, 17].

Интересная информация содержится у Плиния о переходе Танаиса рядом племен, среди которых упоминаются сатархеи и тагоры. Речь в данном случае идет о реке Дон, что следует из контекста данного фрагмента труда Плиния [Естественная история, VI, 20]. Видимо, по времени это передвижение совпадает с расселением новых кочевнических объединений по Страбону. Со II в. до н. э. сатархи упоминаются в письменных источниках среди племен Крыма [25, с. 56]. Есть основания тагоров, названных Плинием в числе народов, перешедших Танаис, отождествлять с тохарами Страбона, которые участвовали в среднеазиатских событиях, связанных с падением Греко-Бактрии. В Средней Азии письменным источником зафиксированы и сатархи. Они отмечены в числе тех народов, которые «с неподкупным постоянством хранят с парфянами закон искони установленных отношений» [Солин. Собрание достопамятных сведений, XLIX, 7].

Все это свидетельствует об освоении степей юга Восточной Европы в рассматриваемый период племенами, принимавшими участие в среднеазиатских событиях. Пласт тохарской топонимики был выявлен и на Северном Кавказе, что предполагает проникновение тохарского этнического компонента и в этот регион [14, с. 120–130].

О появлении в рассматриваемый период нового населения в волго-донских степях свидетельствуют и антропологические данные. На краниологическом материале выявлен новый долихомезокранный компонент, отличающийся от предыдущего сарматского населения, для которого характерна была брахикрания [2, с. 72, 73], хотя местный антропологический компонент оставался преобладающим.

Увеличение населения в Волго-Донском регионе, на Кубани, привело во II в. до н. э. к непосредственному освоению новыми кочевниками части Северного Причерноморья, к западу от Дона до Днепра. Преобладание же северной ориентировки погребенных в этот период времени на данной территории вообще не характерно для раннесарматской культуры. Можно принять версию А.В. Симоненко, что погребальные памятники II–I вв. до н. э. на этой территории Северного Причерноморья могли

принадлежать новой группировке кочевников, известных по письменным источникам под именем роксоланы [27, с. 17–28].

Выводы. Таким образом, развитие событий с конца III в. до н. э. на границах с Китаем, связанных с образованием кочевой державы Хунну и проводимой ей агрессивной политикой в отношении своих соседей, оказало существенное влияние на этнополитическую ситуацию кочевого мира на огромном степном евразийском пространстве. Происходит ряд миграций кочевого населения, начиная от границ Китая, в западном направлении, нашедших отражение как в китайских, так и античных источниках, фиксирующих кардинальное изменение этнической номенклатуры вплоть до территории Северного Причерноморья. Эти миграционные процессы находят отражения в археологическом и антропологическом материалах из сарматских памятников II–I вв. до н. э. Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ (проект № 33.2830.2017/4.6 «Юг России в эпоху раннего железного века: диалог культур Восток – Запад»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ* – Вестник древней истории.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.
КГУ – Кубанский государственный университет.
НАВ – Нижневолжский археологический вестник.
НПК «Гефест» – Научно-производственная компания «Гефест».
РА – Российская археология.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГУ – Саратовский государственный университет.
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН.
Тр. Тувин. КАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

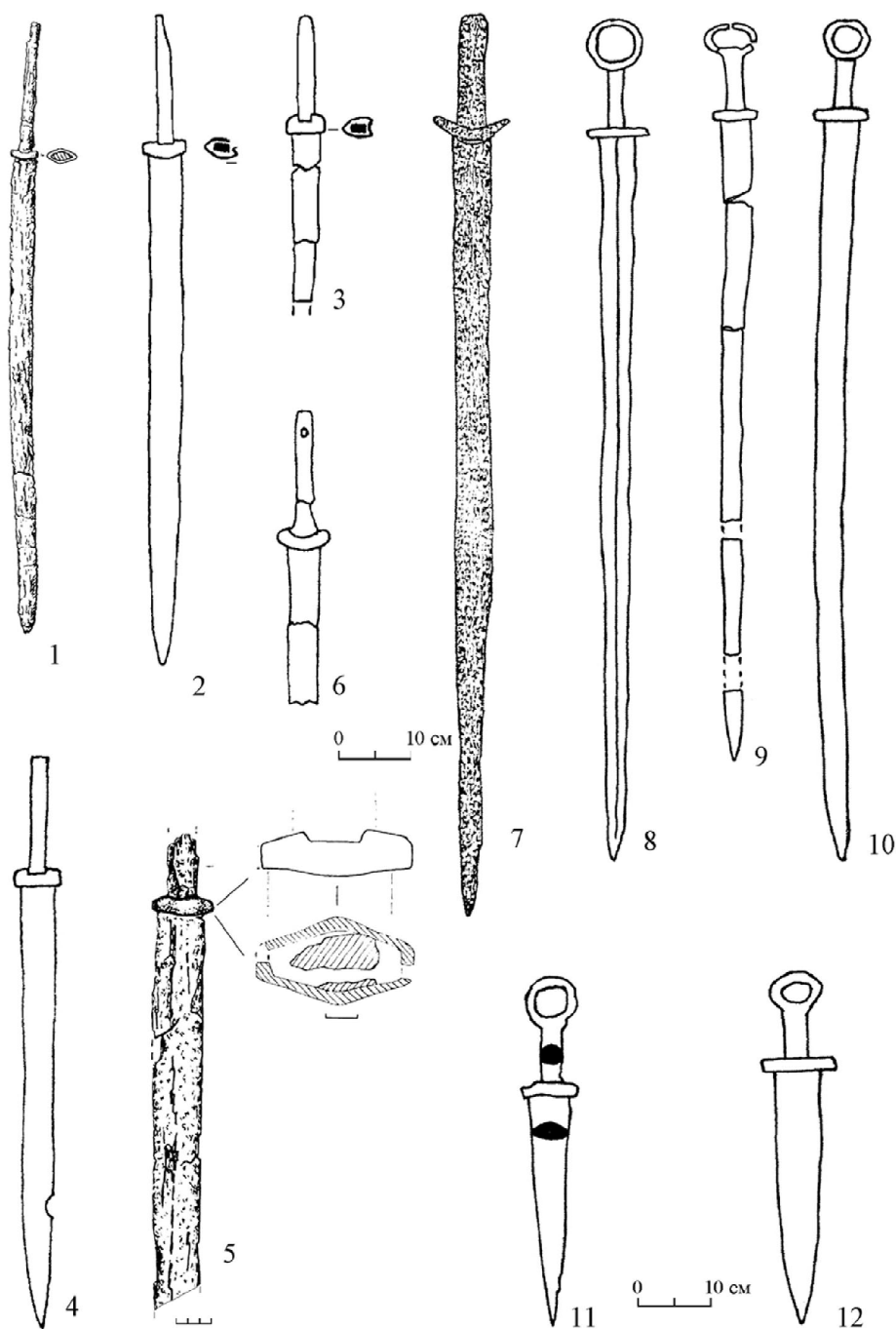

Рис. 1. Мечи:

1 – Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11; 2 – Яшкуль, кург. 37, погр. 1; 3 – Калмыково, кург. 1, погр. 1; 4 – Чкаловская гр., кург. 3, погр. 7; 5 – Перегрузное I, кург. 52, погр. 2; 6 – Волго-Чограй, гр. 42; 7 – Покровка II, кург. 7, погр. 9; 8 – Барбастау III, кург. 7, погр. 9; 9 – Рыбный, кург. 3, погр. 12; 10 – Котлубань V, кург. 1, погр. 6; 11 – Кара-Оба, кург. 11, погр. 2; 12 – Покровка I, кург. 12, погр. 1

Fig. 1. Swords:

1 – Mechet-Say, barrow 3, burial 11; 2 – Yashkul, barrow 37, burial 1; 3 – Kalmykovo, barrow 1, burial 1; 4 – Chkalovskaya group, barrow 3, burial 7; 5 – Peregruznoe I, barrow 52, burial 2; 6 – Volgo-Chogray, burial 42; 7 – Pokrovka II, barrow 7, burial 9; 8 – Barbastau III, barrow 7, burial 9; 9 – Rybnyy, barrow 3, burial 12; 10 – Kotluban V, barrow 1, burial 6; 11 – Kara-Oba, barrow 11, burial 2; 12 – Pokrovka I, barrow 12, burial 1

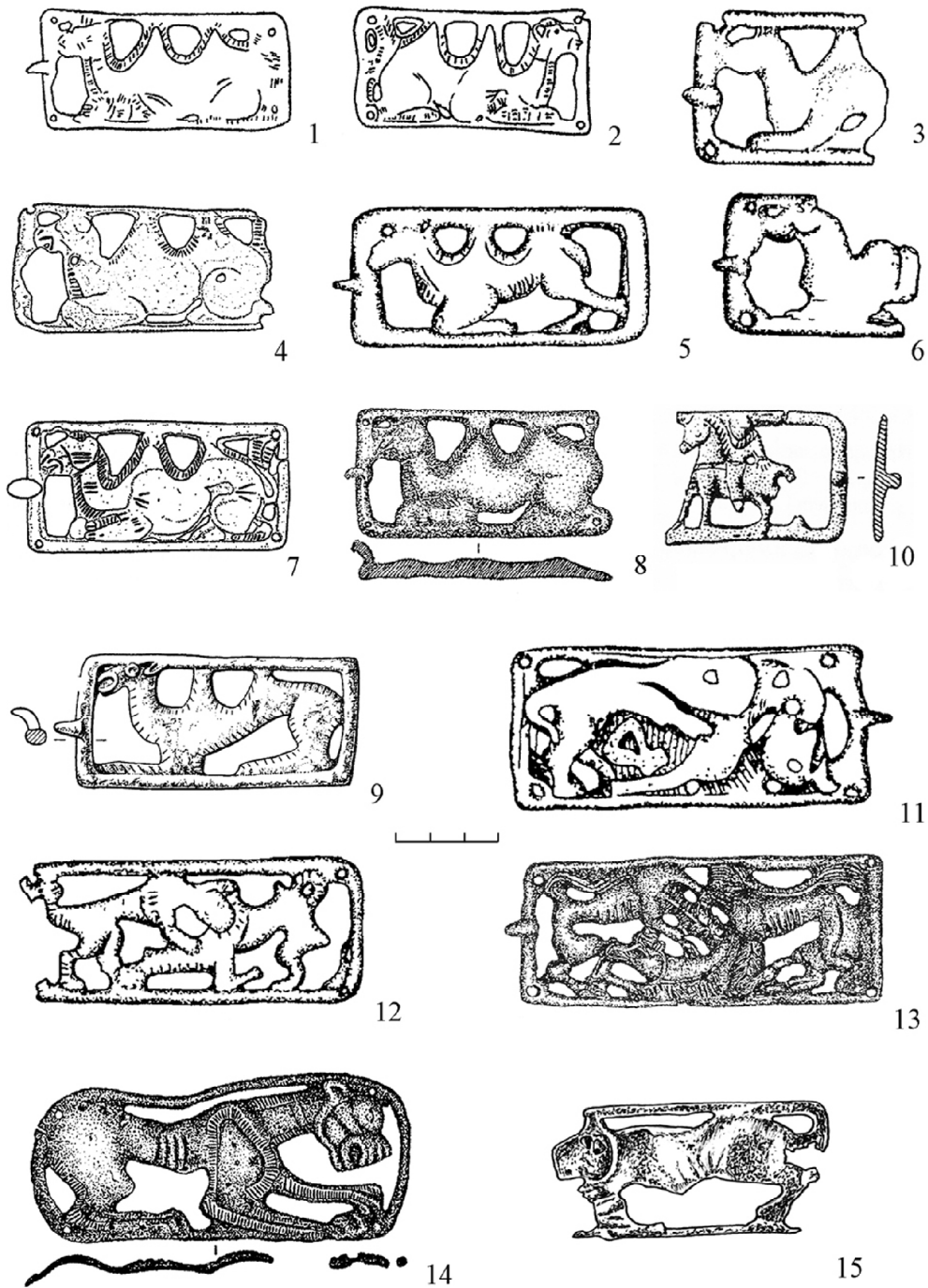

Рис. 2. Пряжки с изображениями животных:

1–2 – Белокаменка III, кург. 7, погр. 3; 3 – Заливский, кург. 1, погр. 9; 4 – Красногоровка III, кург. 11, погр. 10;
 5 – Косика, погр. 26; 6 – Верхнее Погромное I, кург. 4, погр. 4; 7 – Донской, кург. 1, погр. 21;
 8 – Ново-Калкашский II, кург. 2, погр. 5; 9 – Веселый, кург. 2, погр. 6; 10 – Мечетсай, кург. 3, погр. 11;
 11 – Кривая Лука VII, кург. 9, погр. 28; 12 – Петрунино II, кург. 1, погр. 14; 13 – Писаревка II, кург. 6, погр. 2;
 14 – Солодовка I, кург. 19, погр. 1; 15 – Старица, кург. 4, погр. 7

Fig. 2. Buckles with animal prints:

1–2 – Belokamenka III, barrow 7, burial 3; 3 – Zalivskiy, barrow 1, burial 9; 4 – Krasnogorovak III, barrow 11, burial 10;
 5 – Kosika, burial 26; 6 – Verkhnee Pogromnoe I, barrow 4, burial 4; 7 – Donskoy, barrow 1, burial 21;
 8 – Novo-Kalkashskiy II, barrow 2, burial 5; 9 – Veselyy, barrow 2, burial 6; 10 – Mechetsay, barrow 3, burial 11;
 11 – Krivaya Luka VII, barrow 9, burial 28; 12 – Petrunino II, barrow 1, burial 14; 13 – Pisarevka II, barrow 6, burial 2;
 14 – Solodovka I, barrow 19, burial 1; 15 – Staritsa, barrow 4, burial 7

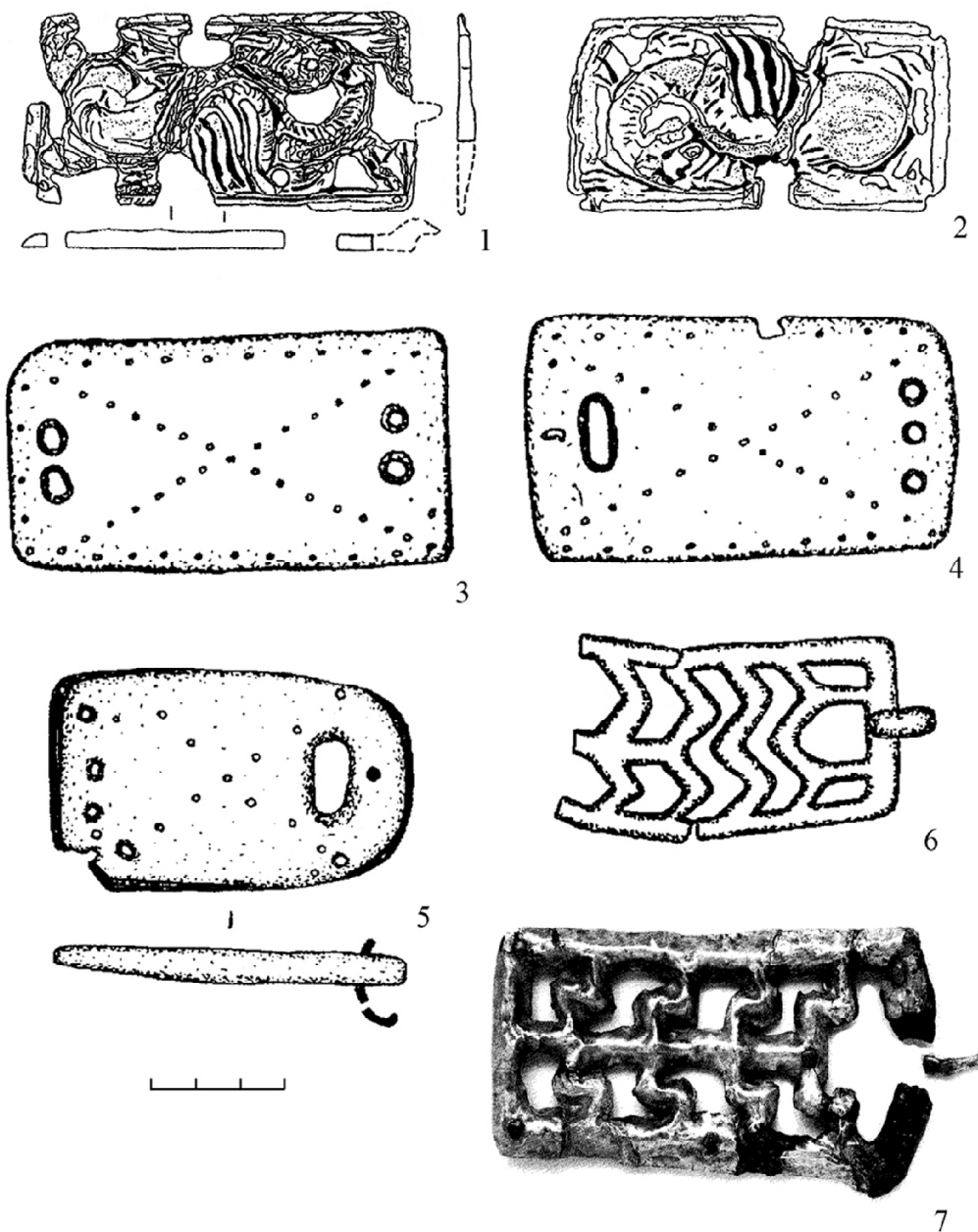

Рис. 3. Другие типы пряжек:

1–2 – Донгулюк II, кург. 8, погр. 4; 3–4 – Жутово, кург. 27, погр. 4; 5 – Питерка, кург. 1, погр. 9; 6 – Питерка I, кург. 1, погр. 11; 7 – Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12

Fig. 3. Other types of buckles:

1–2 – Dongulyuk II, barrow 8, burial 4; 3–4 – Zhutovo, barrow 27, burial 4; 5 – Piterka, barrow 1, burial 9; 6 – Piterka I, barrow 1, burial 11; 7 – Krivaya Luka VIII, barrow 5, burial 12

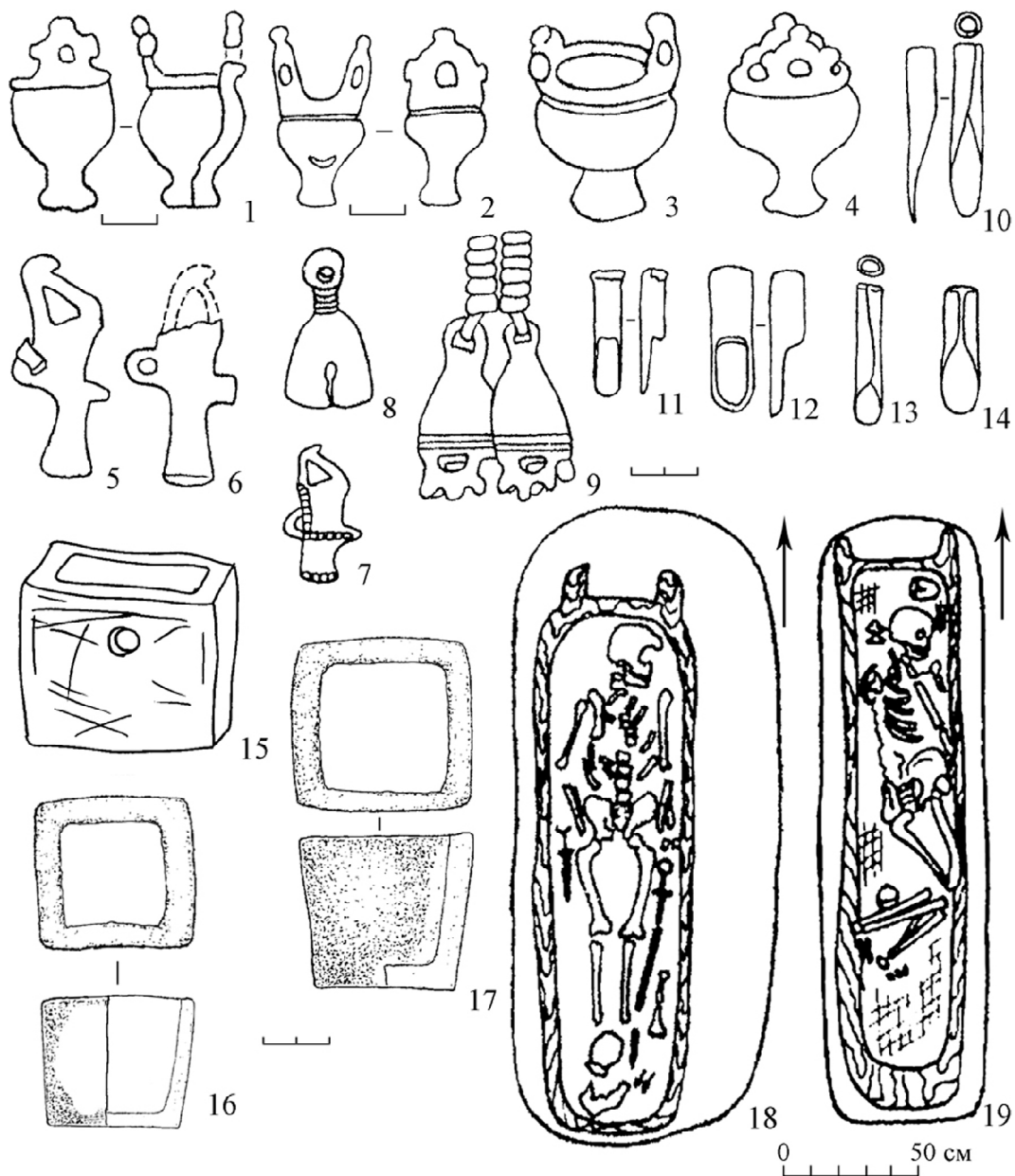

Рис. 4. Отдельные типы вещей и планы погребений:

- 1 – Подгорненский VI, кург. 1, погр. 6; 2 – Лебедевка V, кург. 16, погр. 3; 3 – Быково, кург. 11, погр. 6;
 4 – Торгун, кург. B4; 5 – Попов, кург. 58/26, погр. 9; 6 – Кушум, кург. 2, погр. 2; 7 – Подгорненский VI, кург. 1, погр. 6;
 8 – Верхнее Погромное, кург. 14, погр. 11; 9 – Быково, кург. 11, погр. 6; 10 – Биктимирский мог., погр. 39;
 11 – Покровка I, кург. 3; 12 – Покровка I, кург. 12, погр. 1; 13 – Верхнее Погромное, кург. 6, погр. 9;
 14 – Быково, кург. 2, погр. 11; 15 – Быково, погр. 7; 16 – Котлубань II, кург. 2, погр. 8;
 17 – Ливенцовский VII, кург. 22, погр. 7; 18 – Рыбный, кург. 3, погр. 12; 19 – Аймарлыг

Fig. 4. Certain types of items and plans of burials:

- 1 – Podgornenskiy VI, barrow 1, burial 6; 2 – Lebedevka V, barrow 16, burial 3; 3 – Bykovo, barrow 11, burial 6;
 4 – Torgun, barrow B4; 5 – Popov, barrow 58/26, burial 9; 6 – Kushum, barrow 2, burial 2;
 7 – Podgornenskiy VI, barrow 1, burial 6; 8 – Verkhnee Pogromnoe, barrow 14, burial 11; 9 – Bykovo, barrow 11, burial 6;
 10 – Biktimirskiy burial mound, burial 39; 11 – Pokrovka I, barrow 3; 12 – Pokrovka I, barrow 12, burial 1;
 13 – Verkhnee Pogromnoe, barrow 6, burial 9; 14 – Bykovo, barrow 2, burial 11; 15 – Bykovo, burial 7;
 16 – Kotluban II, barrow 2, burial 8; 17 – Liventsovskiy VII, barrow 22, burial 7;
 18 – Rybnyy, barrow 3, burial 12; 19 – Aymarlyg

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, К. А. Номады в искусстве эллинистической Бактрии / К. А. Абдуллаев // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 83–92.
2. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // РА. – 2010. – № 2. – С. 67–77.
3. Бернар, П. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) / П. Бернар, К. Абдуллаев // РА. – 1997. – № 1. – С. 68–84.
4. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – 334 с.
5. Васильев, В. Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья / В. Н. Васильев // Вопросы археологии Западного Казахстана : сб. науч. тр. Вып. 2. – Актобе : Актюб. гос. ун-т им. К. Жубанова, 2005. – С. 98–100.
6. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 455 с.
7. Глебов, В. П. Раннесарматские захоронения с северной ориентировкой погребенного на Нижнем Дону / В. П. Глебов // Вторая Кубанская археологическая конференция : тез. докл. – Краснодар : Изд-во КГУ, 1993. – С. 22–24.
8. Гумилев, Л. Н. Хунну. Степная трилогия / Л. Н. Гумилев. – СПб.: ТАЙМ-АУТ : КОМПАС, 1993. – 224 с.
9. Гуцалов, С. Ю. Погребения из Западного Казахстана : (К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии) / С. Ю. Гуцалов, Д. В. Марыксин // ВДИ. – 2011. – № 3. – С. 192–206.
10. Дворниченко, В. В. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII / В. В. Дворниченко, С. В. Демиденко, С. Ю. Демиденко // Проблемы современной археологии. – М.: Таус, 2008. – С. 239–242.
11. Дьяконова, В. П. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль / В. П. Дьяконова // Тр. Тувин. КАЭЭ. Т. III. – Л.: Изд-во АН СССР, 1970. – С. 80–209.
12. Дэвлет, М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. / М. А. Дэвлет. – М.: Наука, 1980. – 65 с. – (САИ; вып. Д 4–7).
13. Заднепровский, Ю. А. Древние номады Центральной Азии : сб. ст. / Ю. А. Заднепровский. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 111 с.
14. Керевов, Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии / Б. М. Керевов. – Нальчик : Эльбрус, 1988. – 216 с.
15. Кожанов, С. Т. Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс. до н. э. / С. Т. Кожанов // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 76–88.
16. Комиссаров, С. А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы / С. А. Комиссаров. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 119 с.
17. Крадин, Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. – 2-е изд. – М.: Логос, 2001. – 312 с.
18. Кузьмин, Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура / Н. Ю. Кузьмин. – СПб.: Айсинг, 2011. – 454 с.
19. Ляхов, С. В. Курганы раннего железного века у поселка Питерка в Саратовском Заволжье / С. В. Ляхов, Ю. С. Половинкина // Археология Восточно-Европейских степей : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. – Саратов : Изд-во СГУ, 2009. – С. 196–231.
20. Мандельштам, А. М. Кочевники на пути в Индию / А. М. Мандельштам // МИА № 136. – М.; Л.: Наука, 1966. – 230 с.
21. Мандельштам, А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии / А. М. Мандельштам. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 227 с.
22. Мандельштам, А. М. Гунно-сарматский период на территории Тувы / А. М. Мандельштам, Э. У. Стамбульник // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205.
23. Миняев, С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) / С. С. Миняев // М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. – М.: Наука, 1980. – С. 29–34. – (САИ; вып. Д 4–7).
24. Могильников, В. А. Хунну Забайкалья / В. А. Могильников // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.
25. Ольховский, В. С. Население Крыма по данным античных авторов / В. С. Ольховский // СА. – 1981. – № 3. – С. 52–66.
26. Сергацков, И. В. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли / И. В. Сергацков, О. А. Шинкарь // НАВ. Вып. 6. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 165–178.
27. Симоненко, О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) / О. В. Симоненко // Археологія. – Київ : Наукова думка, 1991. – № 4. – С. 17–28.
28. Скрипкин, А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия / А. С. Скрипкин // СА. – 1980. – № 1. – С. 273–275.
29. Скрипкин, А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв.

до н. э. / А. С. Скрипкин // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. – Самара : Изд-во СНИЦ РАН, 2000. – С. 137–149.

30. Скрипкин, А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов / А. С. Скрипкин // НАВ. Вып. 3. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 17–40.

31. Скрипкин, А. С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием / А. С. Скрипкин // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. – М. : Изд-во ГИМ, 2005. – С. 171–185. – (Тр. ГИМ ; вып. 145).

32. Скрипкин, А. С. Об одном типе раннесарматских курганных / А. С. Скрипкин // РА. – 2015. – № 1. – С. 106–111.

33. Скрипкин, А. С. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье / А. С. Скрипкин, О. А. Шинкарь // РА. – 2010. – № 1. – С. 125–137.

34. Ставиский, Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры / Б. Я. Ставиский. – М. : Наука, 1977. – 296 с.

35. Стамбульник, Э. А. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) / Э. А. Стамбульник // Древние культуры евразийских степей. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 29–34.

36. У Энь. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся / У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн // История и культура востока Азии. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 88–101.

37. Чжун Сук-Бэ. Проблема взаимодействия племен Северного Китая с племенами Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века (на основе сравнительного изучения кинжалов и ножей) : дис. ... канд. ист. наук / Чжун Сук-Бэ. – М., 1998. – 490 с.

38. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections / E. C. Bunker, T. S. Kawami, K. M. Linduff, Wu En. – N. Y. : The Arthur M. Sackler Foundation Publ., 1997. – 401 p.

REFERENCES

1. Abdullaev K.A. Nomady v iskusstve ellinisticheskoy Baktirii [The Nomads in the Art of Hellenistic Bactria]. *Vestnik drevney istorii*, 1998, no. 1, pp. 83-92.

2. Balabanova M.A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [The New Facts on the Anthropological Type of Sarmatians]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2010, no. 2, pp. 67-77.

3. Bernar P., Abdullaev K. Nomady na granitse Baktirii (k voprosu etnicheskoy i kulturnoy identifikatsii) [The Nomads on the Border of Bactria (to the Question of Ethnic and Cultural Identification)]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1997, no. 1, pp. 68-84.

4. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [The Collection of Information about the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950, vol. II. 334 p.

5. Vasilyev V.N. Ob odnom redkom tipe mechey Yuzhnogo Priuralya i Yugo-Zapadnogo Priuralya [About the One Rare Type of Swords of the Southern Urals and the South-Western Aral]. *Voprosy arkheologii Zapadnogo Kazakhstana: sb. nauch. tr.* Aktope, 2005, vol. 2, pp. 98-100.

6. *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekovye. Ocherki istorii* [The Eastern Turkestan in the Ancient and Early Middle Ages. The Historical Essays]. Moscow, Nauka Publ. Glavnaya redakciya vostochnoy literatury, 1988. 455 p.

7. Glebov V.P. Rannesarmatskie zakhoroneniya s severnoy orientirovkoy pogrebnogo na Nizhnem Donu [The Early Sarmatian Burials with Northern Orientation of the Buried in the Lower Don Basin]. *Vtoraya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tez. dokl.* Krasnodar, KGU Publ., 1993, pp. 22-24.

8. Gumilev L.N. *Khunnu. Stepnaya trilogiya* [The Huns. The Steppe Trilogy]. Saint Petersburg, TAYM-AUT Publ.; Kompas Publ., 1993. 224 p.

9. Gutsalov S. Yu., Maryksin D.V. Pogrebeniya iz Zapadnogo Kazakhstana: (K voprosu o svyazyakh drevnikh kochevnikov Yuzhnogo Priuralya s naseleniem Tsentralnoy Azii) [The Burials of Western Kazakhstan (about the Relations of Ancient Nomads of the Southern Urals with the Population of Central Asia)]. *Vestnik drevney istorii*, 2011, no. 3, pp. 192-206.

10. Dvornichenko V.V., Demidenko S.V., Demidenko S.Yu. Nabor pryazhek iz pogrebeniya znatnogo sarmatskogo voina v mogilnike Krivaya Luka VIII [A Set of Buckles from the Burial of the Noble Sarmatian Warrior in the Burial Ground of Krivaya Luka VIII]. *Problemy sovremennoy arkheologii*, Moscow, Taus Publ., 2008, pp. 239-242.

11. Dyakonova V.P. Bolshie kurgany kladbishcha na mogilnike Kokel [The Large Barrows of the Cemetery in the Kokel Burial Ground]. *Trudy Tuvinskoy KAEI* [The Tuvan Complex Ethnographic Expedition of the Academy of Sciences]. Leningrad, AN SSS Publ., 1970, vol. III, pp. 80-209.

12. Devlet M.A. *Sibirskie poynasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [The Siberian Waist Belt Openwork Plates of the 2nd Century BC - 1st Century AD]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 65 p. (SAI ; vyp. D 4-7).

13. Zadneprovskiy Yu.A. *Drevnie nomady Tsentralnoy Azii: sb. st.* [The Ancient Nomads of Central Asia: Collection of Articles]. Saint Petersburg, IIMK RAN Publ., 1997. 111 p.
14. Kerefov B.M. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Sarmatian Monuments of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Elbrus Publ., 1988. 216 p.
15. Kozhanov S.T. Nekotorye voprosy organizatsii voennogo dela v Kitae kontsa I tys. do n. e. [Some Questions of the Military Affairs' Organization in China at the End of the 1st Millennium BC]. *Kitay v epokhu drevnosti. Istoriya i kultura vostoka Azii*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 76-88.
16. Komissarov S.A. *Kompleks vooruzheniya drevnego Kitaya. Epokha pozdney bronzy* [The Complex Weapons of Ancient China in the Late Bronze Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 119 p.
17. Kradin N.N. *Imperiya Khunnu* [The Empire of the Huns]. Moscow, Logos Publ., 2001. 312 p.
18. Kuzmin N.Yu. *Pogrebalnye pamyatniki khunno-syanbiyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya, Tesinskaya kultura* [The Funerary Monuments of the Hunno-Xianbian Time in the Steppes of the Middle Enisey, the Tesin Culture]. Saint Petersburg, Aysing Publ., 2011. 454 p.
19. Lyakhov S.V., Polovinkina Yu.S. Kurgany rannego zheleznogo veka u poselka Piterka v Saratovskom Zavolzhye [The Barrows of the Early Iron Age near the Village of Piterka in the Saratov Trans-Volga Region]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskikh stepey. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [The Archaeology of the East European Steppes. The interuniversity Collection of Scientific Works]. Saratov, SGU Publ., 2009, vol. 7, pp. 196-231.
20. Mandelshtam A.M. Kochevniki na puti v Indiyu [The Nomads on Their Way to India]. *MIA* [Materials and Research on the Archeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. no. 136. 230 p.
21. Mandelshtam A.M. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii* [The Monuments of the Kushan Nomads in Northern Bactria]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 227 p.
22. Mandelshtam A.M., Stambulnik E.U. Gunno-sarmatskiy period na territorii Tuvy [The Hunno-Sarmatian Period in the Territory of Tuva]. *Stepnaya polosya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 196-205.
23. Minyaev S.S. Proizvodstvo i rasprostraneniye poyasnykh plastin s zoomorfnyimi izobrazheniyami (po dannym spektralnogo analiza) [Production and Distribution of Waist Belt Plates with Zoomorphic Images (According to the Data of Spectral Analysis)]. Devlet M.A. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [The Siberian Waist Belt Openwork Plates of the 2nd Century BC - 1st Century AD]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 29-34. (SAI; iss. D 4-7).
24. Mogilnikov V.A. Khunnu Zabaykalya [The Huns of Transbaikalia Region]. *Stepnaya polosya Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 254-273.
25. Olkhovskiy V.S. Naseleniye Kryma po dannym antichnykh avtorov [The Population of Crimea according to the Ancient Authors]. *SA* [Soviet Archaeology], 1981, no. 3, pp. 52-66.
26. Sergatskov I.V., Shinkar O.A. Rannesarmatskie pogrebeniya s severnoy orientirovkoj v bassejne Ilovli [The Early Sarmatian Burials with Northern Orientation in the Ilovlya Basin]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2003, vol. 6, pp. 165-178.
27. Simonenko O.V. Roksolani (poshuk arkheologichnikh vidpovidnostey) [The Roksolans (the Search for the Archaeological Mapping)]. *Arkheologiya*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, no. 4, pp. 17-28.
28. Skripkin A.S. K datirovke nekotorykh tipov sarmatskogo oruzhiya [To the Dating of Some Types of Sarmatian Weapons]. *SA* [Soviet Archaeology], 1980, no. 1, pp. 273-275.
29. Skripkin A.S. K probleme vydeleniya sarmatskikh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii II-I vv. do n.e. [To the Problem of Identifying Sarmatian Monuments of Asian Sarmatia in the 2nd-1st Centuries BC]. *Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology: the Proceedings of the 4th International Conference on the Problems of Sarmatian Archaeology and History]. Samara, Izd-vo SNTS RAN, 2000, vol. 1, pp. 137-149.
30. Skripkin A.S. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoy kultury sarmatov [New Aspects in the Study of History of the Sarmatians' Material Culture]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, vol. 3, pp. 17-40.
31. Skripkin A.S. Sarmatskie mechi s koltsevidnym navershiem [The Sarmatian Swords with Ring-Shaped Pommel]. *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM. Aprel 2003 g.* [The Second Grodzovskiy Readings: Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the State Historical

Museum (April of 2003)]. Moscow, GIM Publ., 2005, pp. 171-185. (Trudy GIM; iss. 145).

32. Skripkin A.S. Ob odnom tipe rannesarmatskikh kurilnits [On One Type of the Early Sarmatian Censors]. *RA* [Russian Archaeology], 2015, no. 1, pp. 106-111.

33. Skripkin A.S., Shinkar O.A. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurechye [The Zhutovsky Barrow 27 of Sarmatian Time in the Volga-Don Interfluve]. *RA* [Russian Archaeology], 2010, no. 1, pp. 125-137.

34. Staviskiy B.Ya. *Kushanskaya Baktriya: problemy istorii i kultury* [Kushan Bactria: the Problems of History and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 296 p.

35. Stambulnik E.A. Novye pamyatniki gunno-sarmatskogo vremeni v Tuve (nekotorye itogi rabot) [The New Monuments of the Hunno-Sarmatian Period in Tuva (Some Results)]. *Drevnie kultury evraziyskikh stepey* [The Ancient Cultures of Eurasian Steppes]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 29-34.

36. U En, Chzhun Kan, Li Czzinczen. Mogilnik syunnu v derevne Daodunczzy uezda Tunsin v Ninsya [The Hunni's Burial Ground in the Village of Duodunzi of County Tonsing in Ningxia]. *Istoriya i kultura vostoka Azii* [The History and Culture of East Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 88-101.

37. Chzhun Suk-Be. *Problema vzaimodeystviya plemen Severnogo Kitaya s plemenami Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleznogo veka (na osnove sravnitel'nogo izucheniya kinzhalov i nozhey): dis. ... kand. ist. nauk* [The Problem of Interaction between the Tribes of Northern China and Southern Siberia in the Bronze Age and in the Early Iron Age (Based on a Comparative Study of Daggers and Knives). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1998. 490 p.

38. Bunker E.C., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En. *Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections*. New York, 1997. 401 p.

Information about the Author

Anatoliy S. Skripkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anatoly.skripkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>

Информация об авторе

Анатолий Степанович Скрипкин, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, anatoly.skripkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>